

Вадим Скуратовский. Судьба Александра Полежаева

=====

Источник: Александр Иванович Полежаев. Стихотворения.
Издательство "Советская Россия", 1981 г.
OCR: Pirat

=====

Не розы светлого Пафоса,
Не ласки гурий в тишине.
Не искры яхонта в вине, -
Но смерть, секира и колеса
Всегда мне грезились во сне!

Александр Полежаев

I

Архив, если вспомнить специальный термин, это как бы долговременная память истории и культуры, местообитание некогда живых человеческих страстей, отбушевавших свое, отвердевших в документе. Вместе с тем людей прошлого он "запоминает" избирательно и по-разному, по-разному завязывая узелки памяти в виде бесчисленных "фондов" и "описей" вокруг тех или иных имен. Подчас сам способ, сама техника архивного "запоминания" более сообщительны, чем сам документ...

В отечественных архивах сохранилось множество документов, так или иначе относящихся к русскому поэту Александру Ивановичу Полежаеву. Так, в Госархиве Мордовской АССР литературовед И. Д. Воронин выявил немалое число "единиц хранения", красноречиво повествующих о буйном и жестоком стародворянском клане Струйских, к которому принадлежал и поэт - незаконный сын беззаконного Леонтия Струйского, ужаснувшего своим "жестоким буйством" даже выдавшую виды Пензенскую палату уголовного суда. Леонтий Николаевич Струйский, недалкий родственник смолянки Струйской, воспетой художником Рокотовым и поэтом Заболоцким, розгами и поленом насмерть забил своего дворового человека, за что - случай по тем временам редчайший - был лишен всех чинов и дворянства и сослан в Сибирь. Медлительную и отнюдь не обремененную человеколюбием пензенскую юстицию подтолкнуло лишь либеральное негодование тамошнего гражданского губернатора, опального М. М. Сперанского, чей реформаторский пыл еще не совсем остыл в арктической ночи тогдашней российской провинции... Документы, связанные с Полежаевым, хранятся и во многих военно-исторических собраниях. Но вот что знаменательно: все это - именно документы, то есть официальные бумаги, нескончаемые "исходящие" и "входящие", плотным и страшным кольцом охватывающие всю жизнь поэта, - со дня его "незаконного" рождения (намеренная путаница в метрической книге с. Рузаевки, неуклюже скрывающая "барский грех", бесчисленные "ябеды" между "родителем" Леонтием Струйским и "отцом" Иваном Полежаевым, саранским мещанином, который, покрывая этот "грех", за известную мзду усыновил Александра, а затем, по-видимому, постоянно и безуспешно пытался увеличить эту мзду) до его последнего часа, когда была получена "высочайшая конфирмация пожалования наград нижним чинам, разжалованным в сие звание за проступки", производившая в офицеры поэта, уже агонизирующего в солдатском лазарете.

Старший современник Полежаева, благополучно его переживший, князь-драматург А. А. Шаховской жаловался, что в отличие от древних, бытие которых было сплошь публичным, протекавшим вечно на людях, современник совершенно погружен в частную жизнь, наглухо отторженную от жизни общей. Но уж во всяком случае полежаевское бытие было трагически-неизбежно публичным, лишенным даже намека на частную жизнь, открытое всем ветрам и дуновениям самовласти. На Полежаеве, еще младенце, навсегда остановился и застыл мертвящий зрачок самодержавно-бюрократической Горгоны. Каждый "нефрунтовый" шаг поэта, заживо замурованного за толстенными стенами николаевских казарм, немедленно протоколировался во всевозможных "рапортах" и "формулярах",